

Леонид БРОНЕВОЙ:

«ОТ ТОГО, ЧТО Я ПОЛУЧАЛ РОЛИ НЕГОДЯЕВ, Я БУКВАЛЬНО СХОДИЛ С УМА»

Леонид Броневой может всё: спеть по-украински, поговорить по-узбекски, сыграть на рояле, отстучать пальцами на столе самый замысловатый ритм, вывести голосом скрипичный концерт Вивальди. Но употреблять по отношению к нему слово «лицедей», так, казалось бы, идущее его легкому таланту, можно лишь до той поры, пока не познакомишься с ним лично. Тут сразу же выясняется, что свой «легкий» талант он воспринимает как тяжелую ношу. Он несет его, как крест. Те, кто видел его только в театре или кино, могут сами решать, много ли в Броневом от Мюллера, Велюрова или Крутицкого. Те, кто знает его лично, не могут не заметить его сходства с Альцестом, героем знаменитой пьесы Мольера «Мизантроп», бесконечно требовательным к себе и придирчивым к окружающим. Среди коллег он слывет человеком со сложным характером, но правильнее было бы назвать его человеком со сложной судьбой.

17 ДЕКАБРЯ ЛЕОНИДУ БРОНЕВОМУ ИСПОЛНИЛОСЬ 80 ЛЕТ

— Скажите, быть артистом — это ведь очень суетная профессия?

— Она не только суетная, она не мужская. Не может перед мужчиной стоять задача — все время нравиться. К тому же это очень зависимая профессия: зависишь от зрителей, от авторов, от режиссеров, от партнеров. Никогда нельзя добиться конечного результата. А если его добился — нельзя зафиксировать. Вот в спорте можно. Был когда-то чернокожий бегун, пробежавший стометровку за 9,8 секунды. Некоторые говорили: ветер дул в спину и все такое. Но никто пока не переплюнул. И это было зафиксировано. А у нас всё субъективно: вы любите Пикассо, а я, скажем, нет. Где критерий?

— Вы ведь хотели стать юристом, а не актером...

— Жизнь родителей — а соответственно и моя — сложилась так, что при советской власти я никем другим и не мог стать. Отец работал в органах. Получил в 1937-м десять лет. Правда, с правом переписки: не расстреляли то есть. Я закончил шестилетку в Киеве. Потом два класса при Киевской консерватории по классу скрипки. Потом в ссылке, где мы оказались после ареста отца, сдал за год программу 7-го, 8-го, 9-го классов экстерном. Получил аттестат зрелости и говорю маме: «Я пойду в летное училище, а если не возьмут, то пойду в дипломаты или в артисты». Тогда она положила передо мной анкеты для поступающих и говорит: «Ты все не читай, прочитай только эту графу». И я читаю: «Находились ли вы или ваши ближайшие родственники в заключении или на оккупированных территориях?». «Ты что-нибудь понял?» — это мать спрашивает. «Понял. Мы не находились ни в заключении, ни на оккупированной территории, а Сталин недавно сказал, что сын за отца не отвечает». «Ты такой же дурак, как и твой отец, — сказала мать. — Это клеймо будет лежать на тебе до конца дней. Я выяснила, что тебя, может быть, примут в театральный институт. Там с анкетами легче. И не в Москве, туда тебе нельзя на пушечный выстрел приближаться, а в Ташкенте». Вот я и поехал в Ташкент и поступил в

Президент России Дмитрий Медведев направил актеру театра и кино, народному артисту СССР, артисту государственного учреждения культуры города Москвы «Московский государственный театр «Ленком» Леониду Броневому поздравление по случаю его 80-летия.

По сообщению пресс-службы главы российского государства, в телеграмме, в частности, говорится: «Замечательный артист, которого знают и любят миллионы зрителей, Вы щедро дарите публике свой искрометный талант и необыкновенное актерское обаяние. В кино и на сцене Вы сыграли множество прекрасных ролей, создали образы героев, без которых трудно представить современный российский театр и кинематограф».

Д. Медведев также своим указом наградил Л. Броневого орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени за выдающиеся заслуги в развитии отечественного театрального и кинематографического искусства, многолетнюю творческую деятельность.

театральный институт. Там были очень хорошие преподаватели — Инна Вишневская, Костя Березин, профессор Григорьев, профессор Мокульский.

— Это был ГИТИС в эвакуации?

— Ну да. А кроме того, Ташкентским драматическим театром руководил тогда Александр Иосифович Гинзбург. Его «Отелло» я посмотрел, наверное, раз 20. Там играли три величайших узбекских актера, с которыми не сравнится никакой Голливуд. Отелло — Аброр Хидаятов, Яго — Шукур Бурханов, Дездемона — Сара Ишинтураева. На узбекском языке играли, но всё было понятно. Воздействие необычайное. Это был второй мой институт. Неформальный. Жизнь была голодной, поэтому я учился и работал. Стал переводить стихи узбекских поэтов. Потом устроился диктором в Ташкентский радиокомитет. В 6 часов утра мы открывали эфир: я и мой приятель — молодой узбек. Он читал по-узбекски, а я — по-русски.

Потом работал в закуской. Там старичок-скрипач был и пианистка, а меня взяли с аккордеоном. Там я выучил все военные песни, все песни Вертинского, Лещенко и Козина, все воровские и бандитские песни, потому что я

не только играл, но еще и пел — с семи вечера до двух ночи.

— А почему вы решили поступать в Школу-студию?

— Посмотрел спектакль «На дне» с Грибовым. Я эмоциональный был и сразу же написал ему письмо, не ожидая, что он отве-

тит. А он ответил: приезжайте в Москву. Приехал, стою с чемоданчиком в Камергерском, у входа в театр. Он выходит. Я говорю: «Алексей Николаевич, здравствуйте, я Броневой, я вам писал». Он говорит: «Отлично, давай начинай читать». Я спрашиваю: «Что, прямо здесь?». Он говорит: «Да, ты меня сейчас проводишь до дома и читай». И я начал читать финал «Тараса Бульбы». Сначала тихо, потом как заору на всю улицу. Подошли к дому. «Ладно, — говорит, — сейчас отпуск, они все на дачах. Я всех через два дня соберу. У тебя жить есть где?» — «Есть». — «Деньги есть?» — «Есть». Переночевал две ночи на Казанском вокзале, есть было нечего, конечно. Ну, ничего. Перебился как-то. Голод, кстате, от язвы желудка очень помогает. На третий день прихожу. Смотрю: подъезжают Массальский, Топорков, Блинные, еще кто-то, Радомысленский. А Грибов бегают, ну просто как нянька. Вызвали. Вхожу — сидят. Страшно ужасно. И я опять пошел «Бульбу» читать, но уже смягчил немного. Я тогда на вокзале многое переосмыслил. Потом Топорков говорит Сарычевой: «Вроде бы у него какой-то украинский акцент. Вы же Ка-

чалову, перед тем как его Станиславский на роль Берендея утвердил, исправили южный акцент. Может, поработаете и с ним?». Тут я не выдержал. Как Топоркова зовут, я не знал, и говорю ему: «Уважаемый товарищ, в каких местах вы у меня обнаружили украинский акцент?» — «В тех, где говорите от лица Тараса Бульбы». — «Но Гоголь же не написал, с каким акцентом говорить». В общем, поспорили. Сорок минут я потом сидел в коридоре, ждал ответа. Наконец вылетает Грибов, радостный: «С тебя пол-литра, тебя взяли сразу на третий курс».

— Вам всегда удавались роли циников и мерзавцев. Откуда вы всё это в себе черпаете?

— В молодости я играл в карты, на бильярде, выпивал, гулял. Сейчас смотришь — такая огромная жизнь за тобой. Моя ли это жизнь?

Знаете, оттого, что я всё время получал роли негодяев, я буквально сходил с ума. Через много лет, уже после того, как я сыграл Мюллера, я приехал в Киев на два выступления. Нашел там свою музыкальную школу. Захожу — переменка, все бегают. И мне навстречу идет мой учитель Алексей Петрович. Ему лет 80 уже. Я его сразу узнал, а он меня нет. Я говорю: «Здравствуйте, я Леня Броневой». Он вспомнил меня, обрадовался: «Ленечка, господи, как хорошо, что ты приехал. Давай я соберу сейчас всех учеников с 1-го по 6-й класс по классу скрипки». И действительно собрал. Я вышел перед ними и говорю: «Ребята, вы меня знаете по этому фашисту проклятому, но я совсем не для того к вам пришел, чтобы рассказывать о нем и об этой своей роли. Я тут учился. Я окончил два класса. Сейчас я сяду за рояль и голосом спою вам первую часть скрипичного концерта Вивальди, которую я выучил во втором классе». Сел за рояль и спел им. Что творилось с этими детьми! Они вцепились в меня, повисли на мне... Вот была минута счастья.

— Вы продолжаете играть? — Да, да, конечно. Я принял этот путь и значит, должен его продолжать: я же артист.

По материалам
информгентств.

